

References

1. Social'no-psihologicheskie faktory realizacii Konstitucii Rossijskoj Federacii // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii 2013. № 04 (93).
2. Mamonov V. V. Konstitucionnaya kul'tura – osnova rossijskogo gosudarstva // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii 2014. № 01 (96).
3. Kondrashev A. A. Svoboda sobranij v Rossii: sistemnye defekty zakonodatel'stva i politiko-pravovaya praktika // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2017. № 6.

УДК 342.4

DOI: 10.22394/2074-7306-2018-1-4-66-77

НАДКЛАССОВАЯ ПРИРОДА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

**Акопов
Леонид
Владимирович** доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Основы правоведения»,
Донской государственной технической университет
(344010, Россия, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1).
E-mail: norin.gospravo@yandex.ru

Аннотация

В данной статье анализируется и обосновывается надклассовая природа Конституции Российской Федерации 1993 года, свободной от идеологических догм и классовых предпочтений, закрепляющей международные стандарты в области прав человека и общегуманные ценности, а также свободу экономической деятельности и демократические начала в управлении государством.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, надклассовая природа современных конституций, права и свободы человека и гражданина, правовое государство, демократия, открытое общество, социальное государство, теория конституции, история конституций.

Вряд ли кто будет оспаривать тот неоспоримый факт, что все конституции советского периода, включая и первую в истории государства Российской Конституцию (Основной Закон) РСФСР от 10 июля 1918 г. (подробнее см.: [1]), носили явно выраженный классовый характер.

Как отмечает Л. Г. Берлявский, «в основу содержания всех советских конституций (с небольшими отступлениями) положены идеи, впервые сформулированные в Конституции РСФСР 1918 г.:

- идеал классового государства...;
- установление партийного (Коммунистическая партия) характера государства...» (воспроизводится по: [2, с. 93];

Вместе с тем, как справедливо замечает Б. С. Эбзеев, конституции 1936 – 1937 гг., а также 1977 – 1978 гг. предусматривали «отказ от наиболее одиозных проявле-

ний пролетарски-классового подхода, выражавшегося в ограничении политических и гражданских прав по классовому принципу, и провозгласили такие ценности, как народовластие, свободный от эксплуатации труд и пр., которые оказали несомненное и весьма серьезное влияние на становление современных международных стандартов в области прав человека и формирование механизма их защиты» [3, с. 100].

Он же четко формулирует вывод о том, что «Опыт прошлого убедительно доказал неэффективность монополизации власти одной политической партией, неизбежно ведущей к превращению государства гражданского в государство партийное, и необходимость закрепления политического плюрализма и провозглашения свободы деятельности общественных объединений» [3, с. 101], а также подчеркивает: «В советской государственно-правовой теории длительное время акцент делался не на ценностях, присущих всему обществу, а на пролетарски-классовом подходе к объяснению сущности прав личности» [3, с. 102].

Характеризуя ключевые идеи, положенные в основу содержания всех советских конституций, Ж.И. Овсепян выделяет, в частности, следующие: «Первая из основополагающих идей заключалась в том, что в основу концепций советских конституций был положен идеал классового государства» [4, с. 146 – 147].

Отмечая, что в конституциях СССР 1936 и 1977 годов и конституциях РСФСР 1937 и 1978 годов термин «диктатура» уже не упоминался, она же констатирует: «Однако классовый подход к определению государственной власти в них сохранился» [4, с. 147].

Предприняв краткий исторический экскурс полуторавековой давности, обратим внимание на речь, произнесенную Фердинандом Лассалем в одном берлинском бюргерском окружном собрании по поводу классовой сущности конституции, в которой он, в частности, утверждал: «Вопрос о конституции есть прежде всего вопрос *силы*, а не *права*; действительная конституция представляет собою действительные соотношения общественных сил страны; писаная конституция только тогда имеет значение и долговечность, когда является точным отражением этого соотношения» [5, с. 49].

Развивая эту формулу Ф. Лассалья уже в XX веке, Владимир Ульянов (Ленин) с присущим ему политическим и научным темпераментом писал буквально следующее: «Верно ли, что “Дума есть «фикция конституционного строя»»? Нет, это не верно. В руководящем органе говорить такие вещи могут только люди, не знающие азбуки, преподанной почти полвека тому назад Лассалем. В чем сущность конституции, любезнейшие члены пропагандистского кружка низшего типа, кружка, именуемого партией с.-р.? В том ли, что при конституции бывает «свободнее» и «трудовому народу» жить легче, чем без конституции? Нет, так думают только вульгарные демократы. Сущность конституции в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенции и пр., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе. Фиктивна конституция, когда закон и действительность расходятся; не фиктивна, когда они сходятся. В России эпохи III Думы конституция менее фиктивна, чем в России эпохи I и II Думы. Если вас возмущает этот вывод, господа «социалисты»-«революционеры», так это потому, что вы не понимаете ни сущности Конституции, ни разницы между

ее фиктивностью и ее классовым характером. Конституция может быть черносотенной, помещичьей, реакционной и в то же время менее фиктивной, чем иная «либеральная» конституция» (подчеркнуто нами. – Л. А.) [6, с. 345].

Конечно, в этом контексте говорилось прежде всего именно о фактической конституции.

Как видно, взгляды Ф. Лассалья и В. И. Ленина на конституцию совпадали в части приоритетного значения фактической конституции в качестве прямого проявления соотношения общественных сил, хотя и не вполне сходились в некоторых оценках специфики основного закона (писаной конституции).

Однако в самом начале XX века в публикации известного в свое время русского правоведа Е. В. Спекторского взгляды социалистов на исключительно классовый подход к пониманию конституции были подвергнуты обстоятельной критике. Заметим, что именно Е. В. Спекторский в своей монографии под названием «Что такое конституция?», вышедшей в свет (что симптоматично) в 1917 году, обосновал идею надклассовости конституции, доказывая ее общую пользу для всех социальных слоев, как то: «... Исторические материалисты... усвоили учение Карла Маркса, согласно которому конституционные и всякие иные правовые и государственные идеи и установления не имеют ни решающего, ни вообще существенного значения, ибо главное в общественной жизни – это борьба экономических классов... В этой борьбе конституции и кодексы как бы сами собою, автоматически надстраиваются над экономическим фундаментом общества, отражая существующее в нем реальное соотношение сил. С точки зрения такого понимания вещей, бесплодны все усилия юристов и политиков дать своей стране возможно лучшую конституцию: ведь у каждой страны и без этих усилий есть своя совершенно естественная конституция, иными словами, – реальное соотношение общественных сил. Как объяснил другой немецкий социалист Лассаль в своей речи «О сущности конституции», сущность прусской конституции состоит вовсе не в статьях основных законов, составленных юристами, а во взаимодействии сил короля, опирающегося на армию, дворянство, владеющее поместьями, промышленников, купцов, но также и ремесленников, и рабочих, поскольку они тоже представляют реальную силу. Все эти рассуждения ошибочны в двояком отношении. Во-первых, они основаны на смешении права и факта. Одно дело правомерное соотношение сил, другое дело – фактическое. Когда убийца или грабитель нападает на свою беззащитную жертву, получается вполне определенное реальное соотношение сил в данный, по крайней мере, момент. Но кто станет утверждать, что такое соотношение и есть единственно возможное право?

Во-вторых, как бы ни была непримирима экономическая борьба классов, есть известные блага, предоставляемые конституцией, которые равноценны для каждого человека, независимо от его принадлежности к тому или иному классу. И капиталист, и рабочий, и горожанин, и крестьянин равно заинтересованы в том, чтобы не подвергаться произвольному аресту, иметь право свободно высказывать свое мнение, участвовать в управлении страной и т.п. Словом, конституция есть нечто такое, что несколько не устраняя классовой борьбы и отнюдь не обещая этого, равно необходима для всех, подобно просвещению и другим благам культуры» [7, с. 6 – 7] (подчеркнуто мною. – Л. А.)

И далее Е. В. Спекторский характеризует конституционное государство как такое, «где власть не только организована, но еще и ограничена, и притом не фактически только, а юридически или правомерно, ограничена же она ничем другим, как признанием за населением публичных прав или политической свободы» [7, с. 8]. «Осуществляя эти права, – писал Е. В. Спекторский, – население превращается из управляемых подданных в самоуправляющихся граждан. Совокупность таких ограничений образует конституцию данной страны, не ту, о которой говорил Лассаль и которая представляет лишь фактический учет реальных сил страны, а ту, о которой учат юристы и для которой право выше факта» [7, с. 8] (подчеркнуто мною. – Л. А.).

Подытоживая свою концепцию надклассовости Основного закона, Е. В. Спекторский следующим образом оценивал значение конституции: «Она не устраняет социальной борьбы, религиозной, классовой и иной. Зато она вводит ее в культурную форму. Она не производит социальных реформ. Зато она создает для них законную возможность. Она вообще не разрешает по существу ни одного общественного вопроса. Зато без нее нельзя разрешить ни одного вопроса, ибо она устанавливает пути для разрешения всяких общественных вопросов... Она стремится всем обеспечить свободу передвижения, слова, веры, участие в государственных делах. И при этом она не читает в сердцах, не справляется об убеждениях, о принадлежности к той или иной партии. Вот почему в свою очередь все партии, при всей своей борьбе по другим вопросам – и могут и должны сойтись на вопросе о конституции, ибо она гарантирует общечеловеческие блага – свободу и порядок» [7, с. 16] (подчеркнуто мною, – Л. А.).

Продолжая ретроспективное обозрение проблемы, отметим также, что самая первая попытка придать конституции надклассовый характер (хотя бы и в «квази-форме») была предпринята уже «отцами-основателями» США. Принятая в 1787 году Конституция США явилась государственным актом исключительной исторической значимости в качестве первой в истории писаной конституции в современном ее понимании, четко провозгласившей суверенитет народа, закрепившей демократические основы государственной власти, а также приоритет федерального права. Вместе с тем, как указывают Т. Я. Хабриева и В. Е. Чиркин, Конституция США имела и некоторые реакционные черты, обусловленные интересами правящих кругов, в основном плантаторов-рабовладельцев южных штатов [8, с. 12]. Они же пишут: «В тексте Конституции не было положений об основах общественного строя (правда, говорилось об обязанности выдавать одним штатом другому беглых рабов, которые осторожно именовались лицами, обязанными работать или быть в услужении)... Конституция США, избегая слова «рабы», все же закрепляла рабство негров, лишала их, индейцев и женщин избирательных прав (негров – до 1870 г., женщин – до 1919 г., индейцев, живущих в племенных резервациях, – до 1924 г.). Конституция США 1787 г. положила начало официальному признанию доктрины конституционализма... и реальному осуществлению этой доктрины. Ее содержание в то время было обусловлено особенностями эпохи и конкретными условиями США..., но само по себе значение Конституции США и идей конституционализма в развитии человечества неоспоримо» [8, с. 12 – 13].

О. Е. Кутафин по этому же поводу писал: «Своим происхождением термин «конституционализм» обязан американской политико-правовой мысли. Основатели

Конституции США 1787 г. обозначали им верховенство писаной конституции над издаваемыми законами и иными правовыми актами. Однако в дальнейшем в правовых и других исследованиях этот термин получил более широкое значение и стал применяться для характеристики демократизма общественного строя различных государств» [9, с. 8]. Он же обращал внимание на отказ от конституционализма в советский период и возрождение конституционализма в современной России [9, глава I, § 3 и 4].

На наш взгляд, справедлива и та оценка, которую О. Е. Кутафин дал современной Конституции России, а именно: «Закрепив основные требования конституционализма – народовластие, верховенство права, незыблемость прав и свобод личности, разделение властей, политический плюрализм, самостоятельность местного самоуправления, многообразие форм экономической деятельности, Конституция РФ 1993 г. открыла путь к конституционному государству» [9, с. 148] (подчеркнуто мною. – Л. А.).

По мнению В. Д. Зорькина, «российская конституционная государственность состоялась» [10, с. 31]. Мы разделяем также тезис В.Д. Зорькина о том, что «Конституция – всеобщий правовой источник объединения российского общества» [10, с. 17 – 30], равно как и его вывод: «В силу своей правовой природы Конституция представляет собой общезначимое основание идейно-политической общности российского народа. Это не противоречит принципу идеологического и политического (партийного) плюрализма. Конституция – это надпартийный, надгрупповой, надэтнический, всеобщий источник идейного объединения, распространяющийся на всех на постсоветском пространстве России. На этом основана идея конституционного патриотизма» [10, с. 18].

К этому мы бы добавили и тезис о надклассовой природе Конституции 1993 года.

Постулируя утверждение о том, что именно из надклассовой природы Конституции Российской Федерации 1993 года, можно вывести основные характеристики современного российского конституционализма, приведем здесь весьма емкую формулу Н. С. Бондаря: «Национальная система конституционализма является... политико-правовой и одновременно философско-мировоззренческой основой становления и развития суверенной демократической правовой государственности, сферой генерирования высших гуманистических ценностей современной культурной цивилизации и их государственно-правового признания в виде конституционных ценностей личности, общества, государства. В практическом же плане речь идет в конечном счете о перспективах утверждения конституционных ценностей современной эпохи, конституционализации всех сфер жизни личности, общества и государства на основе верховенства права, господства буквы и духа конституции как нормативного правового ядра конституционализма во всех его структурно-институционных составляющих, включая сферу конституционного регулирования финансово-экономических отношений» [11, с. 26].

Следует упомянуть и тот вывод, к которому пришел, анализируя историю российского конституционализма, Ю. В. Пуздрач, а именно: «С принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. страна диаметрально изменила свои нормативно-

конституционные ценности. Необходимо уточнить, что к тому времени в теории конституционализма сформировались два достаточно противоположных взгляда на сущность и социальное назначение Конституции.

Во-первых, Конституция воспринимается с точки зрения социально-классовой борьбы, происходящей в обществе, как нормативный результат победы одних слоев общества над другими. Другая позиция указывает на то, что конституция есть акт, нивелирующий эту борьбу до цивилизованных правил – норм, которые должны не только смягчать существующие в обществе противоречия, но и устанавливать возможные границы взаимодействия различных социально-политических сил, нормативно обеспечив эволюционное развитие общества. По-существу, первый взгляд – явное наследие прошлого, он доминировал во времена классовых битв, второй – знак будущего развития общественных отношений» [12, с. 464].

Б. С. Эбзеев, справедливо отмечая, что конституция выступает как легитимация социального согласия и партнерства, гражданского мира, а не средство достижения победы того или иного класса, пишет: «Весьма определенно внеклассовый характер Конституции РФ выражен в ее положениях, посвященных свободе и правам человека. Речь идет именно о правах человека безотносительно к его социальному статусу. Конституция пользуется терминами «человек», «все», «каждый», «личность», «лицо», «никто», «гражданин», «граждане и объединения граждан», «дети», «трудоспособные дети», «родители», «население», «должностное лицо», «обвиняемый», «гражданин Российской Федерации, обладающий гражданством иностранного государства», «иностраннный гражданин», «лицо без гражданства» и др., но в ней нет понятия «классы», «рабочие», «крестьяне», «классовая борьба» и проч. В результате взаимодействия интересов различных социальных слоев и групп населения, политических и этнических общностей формируются общие для всего народа интересы, которые и обуславливают волю народа, лежащую в основе Конституции и определяющие ее общеобязательность» [13, с. 87] (подчеркнуто мною. – Л. А.).

Принимая за основу эти суждения, считаем немаловажным внести одно уточнение. Формально-грамматически приставка «вне» к прилагательному «классовый» обозначает, что Конституция находится как бы за пределами каких-либо классов, которые хотя и не упоминаются в Основном Законе, но все же имеют место быть (те же «рабочие», «крестьяне», «средний класс» и даже т. н. «политический» класс вкупе с другими стратами общества). В то же время приставка «над» к прилагательному «классовый» означает возвышение Конституции поверх каких-либо классов и иных социальных групп. Отсюда прямо выводится принцип верховенства Конституции в качестве императивного правового акта, предписывающего должное поведение классам и соответствующим им политическим партиям в их конкурентной борьбе за власть. Исходя из этого, полагаем, что точнее говорить о «надклассовом характере» действующей российской Конституции. Вместе с тем, формула «надклассовый характер» все-таки является более «тесной» дефиницией, чем понятие «надклассовая природа» по отношению к действующей Конституции, так как «надклассовый характер» российской Конституции есть внешняя форма проявления «надклассовой природы», о чем было подробнее сказано в предшествующем изложении настоящей темы.

Предпочитая концепцию «надклассовой природы» современной Конституции, мы не можем в принципе согласиться со следующим утверждением Т. Я. Хабриевой и В. Е. Чиркина, содержащимся в их совместной монографии, посвященной теории современной конституции, а именно: «Общей тенденцией развития человечества на данном этапе является, видимо, движение к новому общественному строю – социальному капитализму. Это будет особый тип общества, который возьмет в пересмысленном, переработанном, поднятом на новую ступень виде достижения разных стран и разных цивилизаций. Современная конституция должна ему соответствовать» [14, с. 7].

Но ведь исторически уже были преодолены такого рода учения о полной зависимости конституции государства от общественно-экономической формации (это действительно имело место в ряде стран в период рабовладельческого, феодального, капиталистического и раннего социалистического базисов их развития).

Особое отличие конституции именно современного типа, соответствующего более высокому уровню цивилизационного развития, как это показывает общечеловеческая практика, состоит в ее надклассовой природе, вбирающей в себя выстраданные кровью и потом народов Земли общепризнанные ценности права и государства, более развитого конституционализма, которому имманентно присущи приоритет прав и свобод человека (по прошествии 70-лет после провозглашения Всеобщей декларации прав человека Генеральной Ассамблеей ООН), а также утверждение принципов подлинно демократического правового и социального государства. Причем социальное государство не может и не должно быть признаваемо тождественным исключительно капиталистическому государству. К тому же никем не доказано, что только капитализм может обладать явно выраженным социальным характером. Наоборот, ранее был (в советский период) и теперь еще есть (в Китае и Вьетнаме, например) опыт социальной политики в странах социализма и «народной демократии».

Заметим, что конституции последних государств В. Е. Чиркин называет «конституции стран тоталитарного социализма» [15, с. 651] и тем самым, на наш взгляд, гипотезирует присущие им недостатки, не позволяющие относить их к надклассовым основным законам. Отметим также, справедливости ради, что сам же В. Е. Чиркин указал на то, что так называемый им «социальный капитализм остается капитализмом, где основной движущей силой является погоня за прибылью» [15, с. 652]. И далее В. Е. Чиркин пишет: «В современных условиях на основе опыта различных стран возникают элементы новой модели конституции будущего – социально-инструментальной конституции нового общества. Она вберет в себя лучшие достижения мысли и практики человечества. Задача конституционалистов-исследователей – всемерно способствовать такому развитию» [15, с. 652].

Этот прогноз выглядит более взвешенным по сравнению с тем, что было сказано в совместном теоретико-конституционном исследовании В. Е. Чиркина и Т. Я. Хабриевой, как-то: «Конституция социального капитализма должна стать симбиозом всех достижений конституционного регулирования различных стран нашей планеты и мировых цивилизаций» [14, с. 316]. Полагаем, что нет никаких оснований называть современную и будущую модели конституции именно «конституцией социального

капитализма», безосновательно используя подобного рода «ярлык» и считая его «знаком качества» конституции. Тем более непонятно, почему именно конституционализму так называемого «социального капитализма» приписываются признаки, вытекающие как раз из надклассовой природы современной Конституции. Ведь В.Е. Чиркин сам утверждает буквально следующее: «Однако социальный капитализм – это капитализм. Его конституционализм содержит недостатки, присущие этой цивилизации. Погоня за прибылью – главная цель развития, а воля доминирующего в обществе социального слоя, победившей на выборах партии считается волей всего общества. Государство прежде всего защищает интересы экономически, политически и идеологически доминирующего в обществе социального слоя (слоев). Социальное капиталистическое государство может корректировать недостатки таких подходов, но оно не может устранить их» [15, с. 114].

Но ведь это полная картина конституции классовой природы, причем фактической конституции капитализма.

На наш взгляд, весьма уважаемый и почитаемый нами замечательный российский ученый все же невзначай допускает некое смешение реалий и требований к оцениванию как фактической, так и юридической конституций, которые далеко не совпадают, хотя в идеале должны бы асимптотически приближаться друг к другу.

Как метко сказано С. А. Авакьяном: «Конституция и реальность могут совпадать. Могут и расходиться. Но мы берем, как говорится, «идеальный» вариант, к нему надо стремиться» [16, с. 321].

Обосновывая концепцию «надклассовой природы» современной конституции, мы ведем речь именно о юридической Конституции Российской Федерации 1993 года, в тексте которой невозможно отыскать все те недостатки фактической конституции российского государства XXI века, которые на самом деле характерны для классового и даже олигархического (по некоторым оценкам) общества, и тем самым –налицо всевозрастающий диапазон расхождения (и уклонения) реального положения вещей в стране с императивными нормами юридической Конституции, обладающей надклассовой природой. Это, конечно, угрожает и самим основам существования российского демократического правового социального государства (как должного конституционного состояния) в текущем столетии.

В прогнозе «дальних путей государств» мы вполне разделяем и поддерживаем тезисы Ю. А. Тихомирова о том, что: «Нужно развивать научную футурологию общества и государства. Для этого необходимо использовать степень сходства существования государств в одинаковых конкретно-исторических условиях. Наука может дать ответы на соответствующие вопросы... Успешным будет то государство, которое обогащает свой потенциал путем укрепления связей с гражданским обществом, его доверия и поддержания за счет научно обоснованных решений и действий качественного управления общественными делами. Суверенитет по-прежнему сохраняет свое значение для идентификации страны, народа и наций. Именно на основе этих принципов государство активно действует как член мирового сообщества. Оно станет слабым в глазах людей, если не будет выполнять таких демократических императивов. Хочется верить, что государство будет служить обществу и обеспечению прав и интересов человека» [17, с. 314 – 315].

А для того, чтобы это было именно так, следует воплотить в реальность обобщенное еще в XVII веке английским ученым и поэтом (автором известного произведения «Потерянный рай») Джоном Мильтоном доказательство того, что «поскольку народ признается единственным сувереном, то власть правителей должна находиться под его контролем» [18, с. 38].

Если и когда все же наступит эра перехода от разобщенного мира к мировому воссоединению, как об этом мечтал российский мыслитель И. А. Ефремов в своих романах «Туманность Андромеды» и «Час Быка», то и тогда в гипотетической «Земшарной Республике» (по Велимиру Хлебникову), по нашему мнению, вполне должна будет проявиться надклассовая природа «Конституции планеты Земля».

Собственно говоря, некие основания для подобного прогноза уже вырисовываются в процессе легитимации Конституции Европейского Союза посредством ратификации Лиссабонского соглашения странами ЕС. Не случайно к числу основных ценностей ЕС действующие учредительные акты и сама Конституция Евросоюза относят уважение человеческого достоинства, прав и свобод, принципов демократии, равноправия, а также принципов правового государства вкупе с утверждением в странах, входящих в ЕС, плюралистического общества, толерантности, справедливости и правопорядка, солидарности и недискриминации, приверженности свободной рыночной экономике и некоторых других [19, с. 36]. Таким образом, и в случае оценки природы Европейской Конституции вполне можно говорить о ее «надклассовой» природе и «надгосударственной» (для членов ЕС) юридической силе.

Возвращаясь к вынесенному в название данной статьи утверждению, отметим, что оно также основано на нашем ранее обнародованном убеждении, а именно: «Наивысший закон – Конституция государства – (если он достаточно верно отражает чаяния народа и согласует баланс интересов всех слоев общества и в меру стабилен) выступает фундаментальной основой, скрепляющей и несущей на себе все тяготы единства и борьбы противоположностей в системе «гражданское общество – государство – человек» [20, с. 37].

Подытоживая все вышеизложенное, полагаем, что Конституция Российской Федерации, которой исполняется четверть века, полностью подтверждает своими «буквой» и «духом» выдвинутое положение о ее «надклассовой природе», так как она воплощает в себе общечеловеческие ценности и насущные чаяния народа, вполне соответствуя требованиям целостности и единства России как суверенного государства, народовластия, с учетом как национальных, так и международно-правовых обычаев.

Дело за самым трудным – прилагать все усилия власти предрежащих и институтов гражданского общества, а также каждого россиянина для приведения фактической конституции страны в необходимое и оптимальное соответствие с действующей юридической Конституцией Российской Федерации.

Уместно будет в завершение вернуться к провидческим словам Е. В. Спекторского: «И если как удастся упрочить у себя в России прочный конституционный строй, то в отличие от наших предков, призывавших варягов, мы вправе будем сказать: Земля наша велика и обильна, и порядок в ней есть» [7, с. 16].

Литература

1. *Акопов Л. В.* Конституция России: четверть века в пространстве столетия // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2.
2. Памятники российского права. В 35 т. Т. 24. Конституции СССР и РСФСР: учебно-научное пособие / Под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2016.
3. *Эбзеев Б. С.* Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014.
4. *Овсепян Ж. И.* Лекции о конституциях России: учебный курс / Ж.И. Овсепян. Ростов н/Д.: Феникс, 2016.
5. *Лассаль Ф.* О сущности конституции. Речь, произнесенная в одном берлинском бюргерском окружном собрании в 1862 году. СПб., 1906 // Воспроизводится по: Конституционное право. Общая часть. Хрестоматия. Конституционно-правовая мысль XIX – начала XX века. 2-е изд., испр. и доп. Ч. II. М.: Изд-во «Юридический колледж МГУ», 1996.
6. *Ленин В. И.* Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Полн. собр. соч. Т. 17.
7. *Спекторский Е. В.* Что такое конституция? М., 1917.
8. *Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е.* Теория современной конституции. М.: Норма, 2005.
9. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм / О.Е. Кутафин. М.: Норма, 2008.
10. *Зорькин В. Д.* Конституционно-правовое развитие России / В.Д. Зорькин. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.
11. *Бондарь Н. С.* Экономический конституционализм России: очерки теории и практики / Н. С. Бондарь. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.
12. *Пуздрач Ю. В.* История российского конституционализма IX – XX веков. СПб.: Изд-во «Юридический центрПресс», 2004.
13. *Эбзеев Б. С.* Введение в Конституцию России: монография / Б. С. Эбзеев. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.
14. *Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е.* Теория современной конституции. М.: Норма, 2005.
15. Конституции в XXI веке: сравнительно-правовое исследование: монография / Отв. ред. В.Е. Чиркин. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.
16. *Авакьян С. А.* Конституционное право России: Учебный курс. 2-е изд., перераб. и доп. В 2-х т. Т. 1. М.: Юристъ, 2006.
17. *Тихомиров Ю. А.* Государство: монография / Ю.А. Тихомиров. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.
18. *Ашин Г. К.* Современные теории элиты: критический очерк. – М.: Международные отношения, 1985.
19. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека / Рук. авт. колл. и отв. ред. докт. юрид. наук, проф. Л. М. Энтин. – 2-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2005.

20. *Акопов Л. В.* Конституция России как национальная идея и наивысший закон для общества // Государство и право. 2017. № 5.

Akopov Leonid Vladimirovich, Doctor of jurisprudence, professor, head of the department of "Fundamentals of jurisprudence", Don state technical university (1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344010, Russian Federation).

E-mail: norin.gospravo@yandex.ru

ABOVE CLASS NATURE OF THE MODERN RUSSIAN CONSTITUTION

Abstract

In this article the author analyzed and proved the above-class nature of contemporary Russian Constitution by 1993 year, which is free from ideological dogmas and class priorities also provides the international rules of human rights and global values, democracy.

Key words: *Constitution of the Russian Federation, above class nature of modern constitutions, rights and freedoms of the person and citizen, constitutional state, democracy, open society, social state, the theory of constitution, history of constitutions.*

References

1. *Akopov L. V.* Konstituciya Rossii: chetvert' veka v prostranstve stoletiya // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2018. № 2.
2. *Pamyatniki rossijskogo prava. V 35 t. T. 24. Konstitucii SSSR i RSFSR: ucheb-no-nauchnoe posobie / Pod obshch. red. dokt. yurid. nauk, prof. R.L. Hachaturova. M.: Yurlitinform, 2016.*
3. *Ebzeev B. S.* Konstituciya, vlast' i svoboda v Rossii: opyt sinteticheskogo issledovaniya. M.: Prospekt, 2014.
4. *Ovsepyan Zh. I.* Lekcii o konstituciyah Rossii: uchebnyj kurs / Zh.I. Ovsepyan. Rostov n/D.: Feniks, 2016.
5. *Lassal' F.* O sushchnosti konstitucii. Rech', proiznesennaya v odnom berlinskom byurgerskom okruzhnom sobranii v 1862 godu. SPb., 1906 // Vosproizvoditsya po: Konstitucionnoe pravo. Obshchaya chast'. Hrestomatiya. Konstitucionno-pravovaya mysl' XIX – nachala XX veka. 2-e izd., ispr. i dop. Ch. II. M.: Izd-vo «Yuridicheskij kolledzh MGU», 1996.
6. *Lenin V. I.* Kak socialisty-revolucionery podvodyat itogi revolyucii i kak revolyuciya podvela itogi socialistam-revolucioneram // Poln. sobr. soch. T. 17.
7. *Spektorskij E. V.* Chto takoe konstituciya? M., 1917.
8. *Habrieva T. Ya., Chirkin V. E.* Teoriya sovremennoj konstitucii. M.: Norma, 2005.
9. *Kutafin O. E.* Rossijskij konstitucionalizm / O.E. Kutafin. M.: Norma, 2008.
10. *Zor'kin V. D.* Konstitucionno-pravovoe razvitie Rossii / V.D. Zor'kin. M.: Norma: INFRA-M, 2011.
11. *Bondar' N. S.* Ekonomicheskij konstitucionalizm Rossii: ocherki teorii i praktiki / N.S. Bondar'. M.: Norma: INFRA-M., 2017.

12. *Puzdrach Yu. V.* Istoriya rossijskogo konstitucionalizma IX – XX vekov. SPb.: Izd-vo «Yuridicheskij centrPress», 2004.
13. *Ebzeev B. S.* Vvedenie v Konstituciyu Rossii: monografiya / B.S. Ebzeev. M.: Norma: INFRA-M, 2013.
14. *Habrieva T. Ya., Chirkin V. E.* Teoriya sovremennoj konstitucii. M.: Norma, 2005.
15. Konstitucii v XXI veke: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: monografiya / Otv. red. V.E. Chirkin. M.: Norma: INFRA-M, 2011.
16. *Avak'yan S. A.* Konstitucionnoe pravo Rossii: Uchebnyj kurs. 2-e izd., pererab. i dop. V 2-h t. T. 1. M.: Yurist", 2006.
17. *Tihomirov Yu. A.* Gosudarstvo: monografiya / Yu.A. Tihomirov. M.: Norma: IN-FRA-M, 2013.
18. *Ashin G. K.* Sovremennye teorii elity: kriticheskij ocherk. M.: Mezhdunarod-nye otnosheniya, 1985.
19. Evropejskoe pravo. Pravo Evropejskogo Soyuza i pravovoe obespechenie zashchi-ty prav cheloveka / Ruk. avt. koll. i otv. red. dokt. yurid. nauk, prof. L. M. Entin. 2-e izd., peresmotr. i dop. M.: Norma, 2005.
20. *Akopov L. V.* Konstituciya Rossii kak nacional'naya ideya i naivysshij zakon dlya obshchestva // Gosudarstvo i pravo. 2017. № 5.